

Юлия Прилипко (neiguru)

Сказка о якудзе для простушки

Часть первая. Обрести

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.»

Новый завет. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла. Гл. 13.

Пролог. «Имя мне...»

«Я всегда был сам по себе, всегда был одним. Я никогда никому не подчинялся, и не собираюсь. Живу, как живу. Жизнь без цели, просто путь, по которому я иду. Мне не надо ничего большего. Я ничего не жду от этой жизни. Я живу лишь мгновением, что есть сейчас. Я живу лишь для себя и ради себя, дерусь, защищая себя, свои амбиции, свою свободу. Я свободен от любых оков. Живу в своё удовольствие...»

Что есть человеческое имя? Просто название, способ обозначить? Если так, то почему в нашей голове некоторые имена бывают связаны только с определёнными людьми? Почему мы их даже с другой интонацией произносим у себя же в голове,

имея в виду именно этого человека, а не соседа снизу, который по счастливой случайности оказался тезкой того, первого?

И да, психологами обозначено, что звук собственного имени для человека является самым приятным. Карнеги поэтому и советует называть людей только по имени, и это один из путей, как завоевать их расположение.

Если же напротив, ты не хочешь этого, или хочешь скрыть себя за завесой дистанции по каким-либо причинам, то можно заменять имена, использовать глупые клички, фамилию, или даже отчество. И вроде бы и человек обрастает личностью, а вроде бы на дистанции, не так близко.

Он ненавидел своё имя.

Захар.

Каждый раз оно вызывало в нём приступ фантомной тошноты, что раздражением пробегала по позвоночнику. Его так назвала его мать, которая никогда его не любила. В честь деда, которого он никогда не знал.

Он протёр рукой запотевшее зеркало ванной и невидящим взглядом уставился на своё отражение.

«Этому меня научила ты, мама, научила ненавидеть себя.

Ещё в тот момент, когда осознала, что сделать

аборт уже поздно. Ты научила меня жить по нынешнему подобию, когда, каждый раз кормя меня подзатыльниками, посылала порошайничать, когда я часто ложился спать голодным. Я научился выживать в этом жестоком мире. Научился нападать, чтобы не напали на меня, научился кусать, чтобы не укусили меня. На улице я познал всю правду жизни. Познал саму жизнь...»

Он пытался прятаться за какими-то нелепыми кличками, которые ему давали.

Заха. Бэха. БЗГ.

В каждом обществе, в которое он попадал, его называли по-разному. Видимо, с ним всегда хотели иметь какую-то дистанцию, что-то, что убережёт от его тяжёлого взгляда или кулака. Но он не поэтому ненавидел эти клички, нет. Просто они все походили от его имени, фамилии, или инициалов. А он больше всего на свете жаждал просто содрать с себя эти проклятые сочетания слов, которые хранились в его паспорте, но отчего-то за них сильнее всего и держался.

«Я был готов к жизни, когда меня забрал к себе отец, когда тебя, мама, было уже не спасти из плена наркоты. Я был готов теперь познать и все радости столь громкого имени моего отца. Внебрачный сын самого крупного акционера, а

по-совместительству, и председателя одной из самых известных компаний страны — шутка ли?»

И всё же он ненавидел свою фамилию больше всего.

Бэх.

Три буквы. Могущество и власть. Презрение и обида.

«Я был готов к тому, что хотя человек, приходящийся мне кровным отцом, и пытался всячески меня поддерживать, что хотя меня вроде бы и приняла его жена, я, как и прежде, останусь одним. Я был готов к тому, что сводные братья и сёстры меня будут презирать. Я был готов прочесть в их глазах, как и в глазах многих других, столь обидные слова. Я был готов...».

Внебрачный вылунок. Бастард. Отребье.

Сильный и агрессивный. Его не задеть таким.

«Ты научила меня быть готовым к любой подлости судьбы. Ты научила меня жить и быть готовым умереть без тоски, без любви, без жалости.

Тоска... О чём тосковать? Да и зачем, когда ты почти властелин этого мира?

Любовь? Что это? Я не познал её. Пустое слово, которым прикрываются слабаки, пытаюсь не

выдать свою слабость. Привязанности делают нас слабее.

Жалость... Самое жалкое из чувств. Люди недостойны жалости. Они сами виноваты зачастую в своих бедах. Сами пускай и выкручиваются. Жалость к себе? Ещё более жалкое зрелище!»

Кайзер. Бессердечный Император.

Ему нравились эти имена. Хотя нет, даже не так, он попросту мог их терпеть, считал их сносными.

«Я умею жить. Жить моментом. Жить мгновением. Делать то, что я хочу...»

Намахагэ.

Вот имя, которое он действительно любил.

Ему дал его ещё старик Саотоме — мудрый японец, который в раннем возрасте мигрировал из Японии, избегая суда там. Здесь он успешно ассимилировался с уголовным кругом, который возглавляли «братки», а вскоре создал собственную преступную группировку. В эту банду часто вербовали молодых людей с улицы. Попал под влияние преступников и тринадцатилетний Захар, который благодаря бесстрашию, граничащему с безумием, быстро завоевал расположение и этого

своеобразного Оябуна — главаря этой недо- или полу- якудза-организации. Именно там он научился драться, не хаотично, как было ранее в попытке защитить себя, но уверенно, применяя тактические уловки. И именно Саотоме, который видел в молодом человеке достойного приемника, успел вложить некоторые правила в голову парню, которые позже стали его Кодексом чести.

— Смотри на это по-другому, — говорил главарь молодому парню, который, наплевав на школу, всё больше времени проводил за выбиванием долгов для банды, — ты не чинишь зла, по сути. Ты наказываешь лентяев и тех, кто решил нас кинуть. Некий аналог плохого Санты. Демон Намахагэ.

Пока его мысли скакали от одной к другой, плетя свою мрачную вязь в его голове, он отметил, что зеркало снова запотело. Протерев его рукой снова, он теперь осмысленно взглянул на себя и криво улыбнулся.

«Ибо имя мне Захар Бэх! И не мир нагнёт меня, а я его!»

После, он в голос расхохотался, не беспокоясь о том, что может разбудить спящую в соседней комнате девушку.

Из зеркала на него смотрел молодой парень лет девятнадцати с короткими белыми волосами. Из

коротких прядей его капала вода, которая стекала на слегка загорелое подтянутое тело, что ему наверняка бы позавидовал и сам Адонис, если бы не несколько изъязнов — шрамов, которые залегли вечным напоминанием о физических муках, что доводилось переживать парню. На лице его блуждала самодовольная ухмылка, а светло-зелёные глаза были немножко безумными. Хотя, отдавая дань правде, стоит сказать, что они были такими почти всегда. Наверное, такое впечатление создавалось от того, что они были глубоко посажены и прятались под неровными бровями, которые в таком сочетании давали нотку какой-то притягательной агрессии и ехидства. А может, виной был их почти бесцветный вид, что создавал печать какой-то пелены в его взоре.

В левом ухе у парня была клипса в форме катаны, боевого меча, что им так гордились самураи, на правом плече — татуировка коротких мечей танто в количестве трёх штук, два из которых смотрели лезвием вниз, а один, тот, что посередине, вверх. На спине у молодого человека была выбита чернилами картина страшного существа, которое было окутано драконом. Это была татуировка демона Они, японского демона, что сидел на валуне, пока дракон оскаливался всем тем, кто посмел поднять на него свой взор. Эти тату, выполненные в традициях японского

криминалитета, сделанные по страшной глупости, столь ненавистные ныне своему носителю, связывали его с криминальным прошлым, с которым он так пытался покончить после смерти своего наставника Саотоме. Но это было очень сложно, ведь именно в банде Саотоме, именуемой Ёкай-но-кай, что означало «Братство Демонов» он некогда занимал почётное третье место по силе и влиянию в семёрке самых сильных, в семёрке так называемой администрации, приближённой к главарю. Танта на плече парня как раз таки и означало его место в этой группировке, а тату демона исполняло двойную роль: говорило о его прозвище и возвещало о роде деятельности, что был связан с насилием.

Молодой человек фыркнул, прекратив предаваться воспоминаниям, сбросил белое полотенце, которое до этого удобно расположилось у него вокруг бедёр и начал неспешно одеваться. Одевшись, он не спеша вышел, и, даже не взглянув на девушку, лежащую в кровати, направился прочь. Впрочем, так было всегда: он никого не заставлял, ему предлагали — он брал, ничего не обещая взамен, ничего не давая взамен. Он не страдал от разлуки и знал, что не будут страдать и о нём. Просто симбиоз. Ничего лишнего. Инстинкты и всё.

Довольной походкой парень направился к себе домой. Всё-таки, что не говорите, а к факту,

что сейчас выходные, присоединился ещё тот факт, что после отдыха после бурно проведённой ночи можно будет набить одну рыжую физиономию, и это несказанно радовало сына богатейшего человека в городе.

Пожалуй, скажи Захару сейчас кто-то, что через некоторое время в его жизни произойдут столь крупные перемены, как и в нём самом, место этого человека было бы на кушетке рядом с тем несчастным, который бы попытался пристыдить бывшего уголовника за его татуировки, появившиеся в столь раннем возрасте. Но судьба странная штука. Она не спрашивает нашего согласия, а просто всё берёт и меняет, втягивая порой нас в самые непредсказуемые приключения... И Бэх не исключение. Держись, парень, судьба уже сложила свой пазл, относящийся к тебе, и скоро, очень скоро, тебя затянет в воронку необычных событий...

Глава 1. Пляски с костлявой

— Что, Рыжик, обосрался? — вытирая кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони, спросил Захар. На его лице по-прежнему был запечатлён безумный, даже какой-то звериный оскал.

— Да пошёл ты!.. — рыкнул его противник, поднимаясь на ноги. Когда они поравнялись, стало

очевидно, что парень с волосами цвета микса спелой пшеницы и ярко-огненной ржавчины, выше Бэха на полголовы, что, правда, не мешало беловолосому периодически посылать того на татами. Чёрная майка противника была полностью мокрой: местами от пота, а местами от крови, которая стекала с его разбитого лица. — Не хватало ещё... — он говорил тяжело и прерывисто, пытаясь восстановить дыхание, — чтобы какой-то богатенький засранец, вроде тебя, меня тут жизни учил.

— Тут ты ошибся, Агарков, — проговорил, тяжело дыша, Намахагэ, — я могу разве что научить тебя смерти, но никак не жизни, — и безумно захохотав, молодой человек рванулся в бой.

Игорь Агарков последовал его примеру. Два яростных зверя сцепились в схватке, которая уже давно вышла за пределы спортивного спарринга. Но их никто не останавливал, не было среди присутствующих таких смельчаков. Все просто заворожено наблюдали. Все знали, что остановить их может только один человек, но тот, предугадав истинную цель визита этих бойцов, где-то скрылся, давая им в волю побить друг друга, давая оставить здесь, в этом зале всю агрессию, всю злость, обиду, боль... Пускай они сами того не осознавали, эти два столь похожих в своих потерях человека, пускай

они никогда этого не признают, но Дмитрий Дмитриевич Томчин, или как его звали его ученики, Дэдэ, старый боец, ушедший в отставку из-за травмы и теперь тренирующий молодое поколение, это знал. Именно по этой причине он позволял им такое, именно поэтому он каждый раз уходил «по делам», когда они выходили на арену. Он знал... Он всё прекрасно понимал...

А в это время Бэх нанёс Агаркову удар левой рукой в лицо, тот поставил блок и нанёс контрудар. Заха сделал нырок и ударил в живот оппоненту, но тут же по неосмотрительности получил коленом в голову. Оба противника разошлись, восстанавливая дыхание, а потом снова продолжили сей опасный танец. Игорь, пользуясь преимуществом в растяжке, нанёс своему оппоненту сокрушительный удар сверху вниз пяткой, от чего тот на мгновение потерял осознание действительности и, подобно своему противнику пару минут назад, повалился на ринг. Придя в себя, он тут же поднялся на ноги, готовясь опять атаковать.

И тут двери в зал с грохотом открылись — явился старик Дэдэ. Он был в просторных клетчатых штанах и в такой же клетчатой рубашке, а на лице — солнцезащитные очки, неизменный аксессуар грозы всех бойцов. Немного прихрамывая на правую ногу, он медленно прошёл в зал и сказал:

— Всё, ребятки, на сегодня тренировка окончена, — в зале возникла гробовая тишина.

— Но, блин, я только вошёл во вкус, — возразил Захар, выплёвывая кровь.

— Я сказал, — тихо, но чётко и грозно проговорил тренер, — тренировка на сегодня закончена.

Тихо выругавшись, беловолосый парень развернулся и направился в душевую. Пожалуй, старик был единственным человеком, которого Бэх уважал и с которым он не спорил. Агарков так вообще не возражал старику, ибо когда-то последний тренировал его лично, видать, и досталось тогда рыжему на всю жизнь вперёд. От подобных мыслей бывший гроза улицы повеселел.

Скинув с себя красные шорты и некогда белую, а теперь красную от крови, майку, наш герой направился в душ.

Холодная вода, что струйками стекала по его накачанному телу, уносила за собой кровь, которая всё ещё сочилась из ран, и усталость, которая поспешила была напомнить о себе, но теперь, казалось, уходила прочь в путешествия по канализации. Свежие ссадины и раны отзывались неприятными ощущениями, но парню на это было плевать. Хотя даже не так, ему не было напевать. Каждый раз он чувствовал, как внутри него отзывается какое-то извращённое, почти садистское

удовольствие от того, как он себя истязает, разрушает собственными руками и снова возводит всё на круги своя.

Закончив с душем, Бэх вытерся, надел свой старый чёрный спортивный костюм, и, не сказав никому ни слова, направился домой.

Было уже темно. Последние прохожие лениво расходились по домам. В воздухе стоял запах свежести и булочных изделий из магазина, что за углом.

Вздохнув на полную грудь, Заха пошёл по переулку, в котором, казалось, он уже знал каждый кирпичик.

Хорошо же он подрихтовал рыжего! В следующий раз Ага так просто от него не уйдёт!

Опьянённый своими мыслями, молодой человек и не заметил, как вышел в небольшой скверик, где его уже ждали.

Длинный худой парень, что со скучающим видом опёрся на столб. Накачанный здоровяк, который разминал кисти рук и что-то про себя бубнил. Несколько личностей явно уголовной внешности позади... Компания собралась ещё та...

— Твою мать! Почему меня одного не могли отправить?! Зачем приставили ко мне такого мудака, как ты? — ныл здоровяк. — Я сам могу его ушатать. Так ещё и этих послали. Клянусь, когда-нибудь я выбью дурь из этого ублюдка Сэки!

— Кого это ты ушатать собрался? А, отброс? — окликнул Захар этих тёмных личностей. Тень полностью скрывала его, оставляя доступным взгляду лишь силуэт. Но наш герой не воспользовался этим своим преимуществом неожиданности. Он ни за что в жизни так бы не сделал. Человек, привыкший к прямолинейным действиям, он, словно великий князь Святослав, который правил за много лет от этого времени, этой репликой огласил «иду на Вы».

— Ты кого это отбросом назвал? Я тебе сейчас все кости раздроблю! — взревел здоровяк, норовя вот-вот напасть на беловолосого, который уже ослабил в ответ.

— Придержи коней, Беляш! Не недооценивай его. Всё-таки он наш предшественник, — проговорил тот, который подпирал столб, после чего его товарищ немного поутих, видать, вспомнив «легенды», которые в их банде ходили о Бэхе.

Последний уже полностью вышел в скверик и, ухмыльнувшись, спросил:

— А вы, значит, новые шавки Сэки? Что ж, — протянул он, — не могу сказать, что мне приятно с вами познакомиться. Но если вы за автографом, то спешу вас разочаровать: мои приёмные часы уже закончились.

— У нас к тебе дело, Намахагэ, — знакомая кличка неприятно резанула слух.

— У вас? Ко мне? — некогда Третий из Ёкай рассмеялся. — Ну же, удивите меня.

— У господина Сэки к тебе есть неоконченное дельце, — поправился длинный.

— Меня с ним ничего не связывает. Я свободен!

— Ошибаешься, Заха, — рыкнул здоровяк, — Сэки Кирин не прощает предательства.

— Ёкай — это как шиноби. Уйти можно, лишь умерев. Решай, Намахагэ, это твоё последнее слово?

— Вы что, издеваетесь надо мной? — проговорил Бэх, готовясь вволю упиться дракой в эту прекрасную лунную ночь, как это он делал много раз до этого.

— Господин Сэки был милостив: он дал тебе последний шанс. Что ж, пора тебя здесь и похоронить, — проговорил длинный, отходя от столпа и сбрасывая капюшон, который доселе скрывал его лицо. На его левой щеке красовалась метка «2», два маленьких танто, уложенных вразброс. А это значит, что он на одну позицию был сильнее третьего, потому как, в данной банде самым сильным и влиятельным был первый, который и являлся боссом администрации, самым приближённым к главарю, а самым слабым — седьмой. Но был ли противник так силён? Впрочем, Захара это волновало мало. Он и не собирался

возвращаться к прошлой жизни, где всем уже заправлял сын Саотоме, который во многом был не похож на своего отца, а прежде всего в том, что даже не имел никакого Кодекса чести.

Ко Второму подтянулись те представители банды, которые стояли позади. Итого: пятеро на одного.

«Неужто этот бой сулит что-то интересное?» — пронеслось в белобрысой голове, прежде чем он с криком «Не зарывайся!» бросился на врага.

Двое из них ушли в мир Морфея сразу — хватило и нескольких ударов. Но вот третьим был тот самый здоровяк, которого уложить было немного накладно, даже и для Намахагэ.

Несмотря на свою комплекцию, здоровяк был довольно-таки изворотливый и быстр. Мало того, он умело ставил блоки и наносил удары. Несколько из них Бэх всё же пропустил, сразу осознав, что они довольно сильные. Но наш герой не был бы собой, если бы позволил себя так запросто победить: уловив нужный момент, он нанёс удар ребром стопы в колено противника, нанося тому тем самым сильный урон. Да, запрещённый удар, неспортивный, но о каком спорте может идти речь, если вы ввязались в уличную драку, цель которой убить вас? Тем более что принцип у Захара был такой: слабых в драке не бью, но те, кто настойчиво этого «просит» — сам виноват.

С криком боли противник повалился на асфальт и сразу же получил мавашу в голову, но Заха не успел упиться своей победой: один из этих «тёмных личностей» нанёс удар деревянным тренировочным мечом прямо ему в голову. От удара молодой человек немного отступил и встряхнул головой. Да, он был неосторожен. Очень неосторожен. На какое-то мгновение мир вокруг для беловолосого затанцевал, словно в безудержной пляске. Но боль в левом виске начала понемногу отрезвлять, возвращая ясность ума. Кровь начала заливать бывшему члену банды глаза, но тот небрежно смахнул её и, распалённый видом собственной крови, блокировав предплечьем последующий удар всё тем же деревянным мечом, начал яростно атаковать дерзкого уголовника. Тот большей стойкостью, нежели его товарищи не отличился: наш герой вырубил и его.

Да, они сильные, достаточно сильные. Для рэкета. Для грабежа. Но не для него. Только вот... у самого сильного из них, у здоровяка, был всего лишь номер «4», расположенный вдоль по пояснице, которая виднелась из-под задравшейся футболки. У остальных таких тату не наблюдалось, значит, к администрации они не относились.

«Значит, Второй будет намного сильнее. Это радует. Очень радует...» — Захар оскалился в азарте, он упивался своим преимуществом, своей

силой. Он растягивал удовольствие, растягивал данный момент. Это было его минусом, огромным таким, на всю страницу, перечёркивающим его победу.

Дело в том, что Второй не просто так остался на последок. Он смотрел, анализировал, выжидал. Закон стаи: добывает всегда один. В этот-то самый момент, когда «жертва» была опьянена своей иллюзорной победой, когда она потеряла бдительность, в этот момент и нужно было действовать. Второй из нынешних Ёкай знал это.

Бэх почувствовал опасность довольно быстро, чтобы избежать её. Боковым зрением он сразу увидел катану, пронизавшую воздух, чтобы заблокировать её левой рукой.

«Стоп! Катана?!»

Воздух прорезал неприятный звук разрывающейся плоти. Но лишь на миг. Алая жидкость брызнула во все стороны.

Всё-таки Заха не был бы собой, если бы не успел увернуться в последний момент. Но... левая рука его безвольно повисла вдоль туловища.

Боль. Резкая. Прожигающая. Казалось, она доходила до самой кости его левого предплечья, а потом отдавалась эхом по всему телу.

Бэх презрительно скривился и посмотрел на противника, пытаясь абстрагироваться от огненной боли, заменив это чувство агонизирующей злостью.

— Что, удивлён, Третий? — спросил насмешливо тот.

— Ты нарушил закон улицы, воспользовавшись катаной. Мы никогда не использовали что-то, помимо деревянных мечей и бит.

— Господин Сэки нам разрешил. Он дал нам своё разрешение на использование всех видов оружия. Но, к твоему глубочайшему несчастью, я люблю это холодное оружие. Поэтому вместо того, чтобы пристрелить тебя, я буду медленно резать тебя на куски, экс-Намахагэ.

— Ты, презренное существо, — Захар попробовал пошевелить левой рукой: безрезультатно, рана была слишком сильной, не мудрено, если сухожилия, мышцы, да и может сама кость, были разорваны. — Неужто ты думаешь, что, даже нарушив наш Кодекс Чести, ты сможешь меня победить?! — Парень перевёл взгляд на своего противника. Тяжёлый, обезумевший взор, такой бывает только у зверей, тех, которые стоят перед охотником, таким же израненным, как и они, в самый последний момент, прежде чем ввязаться в последнюю схватку.

Секунда. Он рванулся на Второго. Секунда. Он ногой подкинул деревянный тренировочный меч, что его упустил один из этой шайки, и схватил его правой рукой. Секунда. Он несётся на

растерявшегося Второго. А потом всё смешалось в одно мгновение. Долгое мгновение — какой парадокс.

Блок. Удар. Выпад. Дерево против стали. Какая разница, из чего состоит меч? Удар ногой. Сталь выпадает из неопытной руки. Нырок. Удар в корпус. Локтём в лицо. А затем коленом в подбородок. Противника бросило на спину. «Мягкая посадка» на твёрдый асфальт. Сжатый деревянный меч в руке. Боль, что вызывает ярость и безумие. Неудержимость. Стихия хаоса. Деревянный предмет завис в воздухе. Финальная сцена. Конец оперы. Первая жизнь, которую заберёшь. Первая смерть, которую подаришь. Мыслей нет. Есть ярость. Разрушение. Жажда крови. Страх в глазах противника. О, да, он заставляет кровь бурлить ещё сильнее. Это ещё больше подливает масла в огонь. Хищная улыбка. Всего-то и надо сильный удар в шею. В руках такого, как он, это раз плюнуть. Секунда. Грань, отделяющая простого человека от убийцы. Смерть несущий... и боль...

Боль... в животе. Резкая. Пронизывающая. Она заставляет выпустить из руки меч, который с грохотом повалился на землю.

Захар посмотрел вниз, туда, откуда шла боль, которая, казалось, разливалась по всему телу. Сталь, торчавшая слева, чуть ниже ребёр, и красное

тёмное пятно, которое увеличивалось на глазах.

Резкий рывок и предмет, чьё предназначение издавна было отнимать жизни, выходит из тела беловолосого, заставляя того, скорчившись от боли, упасть на асфальт.

Бэх держался за рану, словно пытаюсь заставить выбежавшую кровь, которая забирала с собой по капле его жизнь, вернуться обратно в молодое, слишком молодое, чтобы умирать, тело. Он скорчился в конвульсиях.

Послышались шаги. Кто-то вытер меч о его футболку.

Ещё один закон стаи: действуя сообща, слабые могут победить сильного.

— Бедный Намахагэ, — похоже, Второй уже отошёл от страха, который ему довелось пережить недавно, он зацокал языком, а потом продолжил: — ты будешь подыхать здесь как пёс. Мы даже не станем добивать тебя. Видишь ли, твои дни сочтены.

Смех. Мерзкий. Противный.

— Я... — тяжёлое сиплое дыхание не придавало словам Захара большей убедительности, — я... найду... и убью тебя... мразь!

— О, да, на том свете разве что. Но, знаешь ли, тебе долго придётся меня ждать, — после этих слов Второй с силой наступил на рану лежавшего

на асфальте парня.

От боли Заха лишь глухо зарычал, не желая криком, который был готов сорваться с уст, доставлять удовольствие своим врагам. Боль была просто адской. Казалось, что всё происходит не с ним, не в этой реальности. Боль. Бэx растворился в ней, мрак поглотил его...

* * *

Падение. Что-то вязкое. Неприятное. Оно поглощает. Оно душит, давит своей массой. Не хватает воздуха... Так холодно. Что это за чувство?

Заха резко открыл глаза. Казалось, тело отозвалось болью даже на это незначительное действие.

«Я умер? Больно... Значит, нет...»

Сколько он был без сознания? Вряд ли кто мог ему сейчас это сказать. Его врагов уже не было поблизости. В этом пустынном скверике был лишь один парень, истекавший кровью. Даже птицы куда-то подевались. Пустынно и страшно...

«Твою ж мать! Угораздило же так!.. Чёрт... Как же невыносимо больно!..» — мысли сбивались, роились как вороны над полем боя.

Захар осознавал, что то, что он пришёл в себя есть великое чудо, которому, конечно, поспособствовало его ранее лошадиное здоровье.

Но... что он ещё осознавал, так это то, что ему осталось недолго. Жизнь потихоньку покидала его тело. Надежды на то, что его здесь в такое время кто-то обнаружит, нет. Даже маленькой, даже мизерной. Нет. А ему срочно, крайне срочно нужна медицинская помощь.

Мобильный телефон? Где он? Утерян в пылу боя? Найти? А смысл? Даже если и посчастливится это сделать, он не может говорить, не то, что внятно, он не может вообще ничего произнести.

СМС? Вообще нереально! К тому же, телефона-то нет.

«Чёрты вас дери! Я здесь не сдохну! Не сдохну...»

Безнадёжность. Она на миг закралась в его душу.

Что есть его жизнь? Стоит ли за неё бороться? Что мешает ему здесь отмучаться и уйти в мир иной? Зачем ему всё это? Где смысл, предлог его существования?

Видят боги, он бы тут так и остался погибать, как собака под забором, если бы не одна мысль... эта мысль закралась к нему в голову, отравляя душу, но давая стимул жить.

«Я должен им отомстить! Чтобы меня... какие-то шавки... шакалы... гиены... Не бывать этому!»

Захар передвинул правую руку ближе к

голове, потом протянул её под себя и, опёршись на неё, начал пытаться встать, при этом по возможности помогая себе левым плечом. Естественно, тело его отозвалось глухой болью и усталостью, которая была вызвана в большей степени потерей крови.

Ноги. Он их чувствует! Это хорошо. Немного приподнявшись на правом локте, Заха пустил в ход колени. Даже трудно себе представить, скольких усилий стоило ему это, но вот израненный парень уже стоит на коленях и тяжело дышит. Полдела сделано. Медленно опереться сначала на одну, а потом на другую ногу. Встать!

«Ну же!» — утробный рык вырывается из груди бывшего уголовника.

Вот он уже фактически принял вертикальное положение, но от столь яркого напряжения у него опять темнеет в глазах.

«Чёрт, не смей! Не сейчас!» — кажется, суровое словцо действует: мгла отступает, но не уходит совсем, периодически напоминая о своём опасном randevу с белокрысым. Если он упадёт, то уже не сможет встать. Именно поэтому от каждого пошатывания, коими отзываются фактически все его движения, его бросает в жар. Сердце глухо бьётся о грудную клетку, отдаваясь эхом в голове. В горле пересохло, больше того, кажется, челюсть вообще закаменела, утерев свою способность

двигаться. В глазах стоит алая дымка.

Тяжело дыша, парень придерживал рану левой рукой, а точнее локтём, ибо рука только по локоть его слушалась, дабы хоть немного остановить кровь, хоть немного выиграть времени.

Шаг. Неуверенный. Мелкий. Он заставил Захара снова пошатнуться. Но тот сохранил равновесие, хоть и с трудом. Ещё один шаг. Стиснув зубы от боли и, всем своим естеством пытаясь не погрузиться опять во мрак, экс-Ёкай медленно пошёл в сторону дороги, опираясь при этом о стену какого-то здания. Да... завтра на этом месте найдут брошенную сумку с грязной спортивной одеждой, немного в стороне — дорогой разбитый в хлам мобильный, и кровавые следы, ведущие от лужи крови куда-то вдаль. Кровавые отпечатки руки на стене нежилого дома. Всё это будет справлять угнетающее влияние на людей. Кто-то вызовет полицию. Кто-то запретит детям выходить на улицу. Кто-то закроет тёплой ладонью глаза уже вышедшему на улицу нерадивому любопытному сынишке, дабы не травмировать его психику, дабы он не видел, на что способна человеческая жестокость. Но пройдёт время, и всё пойдёт своим чередом. Кровь смоем вода. Все забудут об этом. И только завтра здесь будет шумиха. Но будет ли тогда жив этот молодой человек, чья кровь и разбросанные вещи послужат

причиной этой беготни? Будет ли он тогда? Впишет ли он ещё свою историю в книгу мироздания, которая хранит миллионы похожих и непохожих жизней и смертей?...

«Не сдаваться!» — судорожно билась в его голове одна мысль. Он шёл. Медленно, с каждым шагом теряя шансы на жизнь и обретая их одновременно. Надежда... она всё ещё тлела в его душе. Не такая сильная, как у кого бы то ни было, но всё же она была. Надежда выжить. Ради мести. Больше нет ради чего...

Задышавшись от боли, борясь с собой, он шёл. Столько усилий стояло ему пройти эти десять метров! Наверное, если бы он каждый раз не тренировал своё тело, свою силу воли, если бы не ломал себя, заставляя тело подчиняться одному лишь духу, он бы так и остался лежать на том асфальте, медленно испуская тот самый дух. Страдания закалывают душу — ведь так говорят мудрые? Катарсис — этот термин применил Аристотель для этого феномена? Так что говорить о нём, о Захаре, которого судьба явно не баловала? Она сумела его закалить, подобно огню, что делает металл прочнее.

Вот уже показалась дорога, но она была пустынна. Бэх медленно добрёл до дерева, которое стояло рядом с дорогой, схватился за него и начал выжидать. Чего он ждал? Чуда! Самого, что ни на

есть чуда. Говорят, стучите и вам отворят, ждите и всё придёт... Вот оно! Где-то вдали мелькнул свет.

Раненный Намахагэ направился на середину дороги. Машина, а в ней уставший щуплый офисный работник. И вот ближний свет фар осветил ему окровавленного парня, который правой рукой еле махал владельцу машины, чтобы он остановился, но тот лишь дал по газам и, резко взяв влево, вскоре исчез из виду.

Последний шанс... утрачен.

«Ах ты ж трус! — зло подумал бывший уголовник. — Ты что, мать твою, баба, чтобы убежать?! Сволочь!»

Знаете, иногда складывается такое впечатление, что в самом людном месте случись с вами беда, никто не придёт на помощь. Все просто пройдут мимо. В лучшем случае. В худшем — заснимут ваши страдания на видео и выставят в Ютуб. Безразличие. Оно убивает. Не только тех, на кого оно обращено, но и тех, в чьих душах оно поселилось. Безразличие порождает страх. Страх за свою жизнь. Ведь случись что, человек наткнётся на то же самое безучастие. Страх за свою жизнь заставляет людей проходить мимо, сделав вид, что они ничего не видели, не знают, не чувствуют. Замкнутый круг...

Понимая, что конец уже близко, Заха доковылял до местного парка, который был возле

дороги, и лёг там на скамье.

«Буду приучаться к прекрасному!» — саркастически подумал парень, пытаясь отогнать от себя столь ненужные мысли.

«Похоже, я и правда подохну тут как пёс. Тигр, побеждённый стаей гиен. Какое жалкое зрелище! Что ж, невелика потеря!.. Наверное...»

Внезапно вся усталость этого брэнного мира навалилась на молодого человека. Веки потяжелели, боль отошла на второй план, и он снова погрузился во тьму...

«Что это за картинки, которые сменяют друг друга? Ах да... это же воспоминания. Что это за чувство? Почему так больно? Нет, не показывайте мне их! Не показывайте... Не хочу знать... Не хочу видеть...»

Кто это? Это же... я? Опять плачу в жёсткую подушку. Опять хочу есть. Опять получил подзатыльник. Опять эта неменяемая компания на кухне устроила свою гулянку...

Что это? За что меня избивают эти ребята? Я ничего не сделал!.. Я только хотел есть. Стоит ли краешек хлеба таких избиений?... За что мне такое обидное прозвище?...

А это... Роскошь. Еда. Тепло. Уют. Пустые слова. Глаза... И эти глаза... Холодные, презирающие... ненавижу! Не смейте на меня так смотреть! Свысока! Не смейте...

Уберите кто-нибудь этот каскад эпизодов из моей жизни!

Холодно... темно... страшно?...

Что это? Тепло? Откуда?»

Когда Захар открыл глаза, его взор был затуманен. Единственное, что он увидел это ярко-рыжие длинные волосы, которые освещал фонарь парка.

«Такой тёплый цвет... Ангел?... Да нет... За мной? Разве что суккуб. Это более правдоподобно. Ангела я не заслужил...» — видят боги, если бы Заха мог смеяться, он бы во всю расхохотался своим нелепым мыслям, но он не мог...

— Потерпите немного, — донёсся до его осознания отдалённый девичий голос, — сейчас приедет «скорая».

«А она симпатичная...» — Бэх всё ещё был за гранью этого мира, пребывая как бы в нём. Такое странное чувство. Вроде реальность, а вроде и нет...

Тем временем девушка разорвала свою рубашку и сделала тугий жгут на левой руке молодого человека. Остатком своей рубашки она попыталась зажать сквозную рану парня. Тот лишь лежал и безучастно наблюдал за ней.

«Она, небось, сумасшедшая. Ночью. В пустынном парке. Помогает раненному типу явно уголовной внешности... В то время, как мужик на

машине в страхе свинтил... Мир явно сошёл с ума... Я похоже тоже, раз меня это беспокоит. Похоже, я действительно уже не жилец...»

Захар пошевелил губами, силясь что-то сказать, но так ни единого звука не сорвалось с его губ.

На этот раз тьма уже окончательно забрала его, подарив такое забытое спокойствие и забытье...

Глава 2. Что день грядущий мне нагадит?

— Знаете, вам чрезвычайно повезло. Вы, можно сказать, родились в рубахе, — человек в белом халате добродушно улыбался. — Вам повезло, что та девушка вызвала «скорую», но ещё больше повезло, что она была знакома с азами первой помощи. Иначе, если бы вы не умерли от кровопотери, вы бы стопроцентно потеряли руку.

«Чему ты улыбаешься, придурок?» — зло подумал Захар, лёжа на кровати местной дорогой больницы и смотря при этом в окно. Он недавно очнулся и тут на тебе, «приятные новости»! Его спасла какая-то девчонка! Его! Подумать смешно! А иначе он бы подох так же, как и родился, — на улице.

«Лучше б я реально сдох!» — сказать, что он

был раздражён — не сказать ничего. Ещё и этот бубнит здесь что-то про везение. Конечно, надо же ему хоть как-то отрабатывать деньги, которые ему уже наверняка заплатил отец за лечение своего горе-сына. Заха решил прекратить этот пустой монолог и зло посмотрел на доктора, вкладывая в свой взгляд по привычке своей всё раздражение, на которое только был способен его уставший и ослабленный организм. Тот, видимо, списал это на усталость пациента, но всё же, пожелав скорейшего выздоровления, ушёл, не выдержав колючего, агрессивного взгляда Бэха.

Что больше всего добивало, так это тупое состояние мировой просто усталости во всём теле. Боли фактически не было — наверняка, это заслуга дорогущих обезболивающих. Но боль придёт. Позже. Бэх знал это. Боль всегда приходит.

Он попытался пошевелить пальцами левой руки, так как не чувствовал её вовсе. Небольшое движение ему всё же удалось сделать, но на тугой повязке тот час же проступило свежее алое пятно.

«Чёрт! Как я жалок!»

Парень вздохнул и собирался уже прикрыть глаза.

Вдруг скрипнула дверь и в палату вошли. Боковым зрением Бэх видел непрошеного гостя, поэтому лишь обречённо подумал, что если на небе есть боги, то они явно решили добить его, бывшего

члена Ёкай-но-кай, в такой изощрённый способ, не физически, так морально.

— Чего тебе? — рявкнул раненый.

— Ты жалок, Захар! — холодный размеренный голос, надменный взгляд. Как же экс-Ёкай его ненавидел, всем своим естеством, всеми фибрами души.

— Я спросил чего тебе, Алекс? — он знал, что единственное, что бесило гостя, было нелепое сокращение его имени Александр, и поэтому всегда только так того и называл. — Пришёл поизмываться надо мной?! Не выйдет, ты, жалкий ублюдок!

Александр никак не отреагировал на слова раненого и лишь прошёл в палату и поставил какой-то пакет на тумбочку.

Чёрные штаны и чёрная рубашка — неизменная цветовая гамма этого молодого худощавого человека с таким же тощим телосложением. На лице, как всегда, маска. Хотя нет, это уже не маска, это уже есть его естество — безразличие и холод. Такая противоположность Захару, импульсивному, горячему, необузданному.

— Больно мне ты нужен, — произнёс в своей манере Алекс, растягивая немного слова, словно пытаясь этим подавить, а в случае Намахагэ, намеренно разозлить, собеседника, — если бы меня сюда не послал муж моей матери, а

по-совместительству твой отец, дабы я осведомился о твоём здравии, я бы ни за что в жизни не пришёл сюда. Ты слишком жалок, чтобы тебя проведывать. Даже у твоего отца нашлись дела поважнее, нежели ты. Ничтожество, — вынес свой вердикт сводный брат больного.

— Он мне тоже не нужен! Обошёлся бы и без созерцания ваших всех вместе взятых рож! К твоему глубочайшему сожалению, я, как сам можешь лицезреть, ещё не отошёл в мир иной, и не планирую пока. Так что, всё? Выполнил свою миссию? А теперь проваливай, нах! — силы были уже на исходе. Эта словесная перепалка с непрошеным и явно нежелательным гостем очень утомила и обессилила Захара.

В ответ Александр лишь хмыкнул и направился прочь из палаты. Возле двери он остановился и осведомился:

— Что-нибудь передать твоему отцу?

Бэх сделал вид, что не услышал вопрос.

— Так я и думал. Неблагодарное ничтожество, — с этими словами сводный брат наконец-то покинул парня.

«Бесит! Как же он бесит меня! Когда-нибудь я выбью дурь из его надменной башки!»

Мысли, словно муравьи, копошились в светловолосой голове, не давая её владельцу обрести такой желаемый покой.

«Вот выйду из этой психушки, — именно с этим учреждением у нашего героя ассоциировалась больница, — так накостыляю Секи и всей его шайке-лейке, поразрываю всех на части! Они у меня за всё ответят!» — утешал себя мысленно Намахагэ.

Время слилось в единый круговорот. Где-то с крана медленно капала вода. Кто-то где-то кричал, а потом и этот крик стих. Пару раз Захару казалось, что он проваливался в забытье, в беспокойный сон, который каждый раз нещадно прерывался. Дорогая клетка, шикарная палата, темница с узником, заключённым в ней. Четыре стены, так проевшиеся за столь короткое время, начали давить на их пленника. Пару раз заходила медсестра осведомиться, ничего ли не надо раненому, но тот каждый раз прикидывался спящим, ибо не хотел не с кем говорить.

Наконец, психанув, парень взял пульт и начал бесцельно щёлкать его, перескакивая с одного канала на другой. Но он, явно будучи противником такого развлечения, ничего так и не смог найти стоящего. Сделав третий круг, экс-Ёкай решил остановиться на новостях. Политика. Международные новости. Экономика. Чрезвычайные новости. Всё как всегда. Масс-медиа оригинальностью не блещет.

Бывший уголовник уже собрался выключить

этот «бесполезный ящик», как вдруг диктор огласил:

— Вчера на окраине города произошла стычка между представителями двух преступных группировок, одной из которой была ОПГ, имеющая связи с якудза. В результате этого погибли пятьдесят два человека, принадлежавших к одной из банд, известных под названием «Ёкай (Демоны)». Передаю слово нашему корреспонденту.

— Добрый вечер, уважаемые телезрители! Я веду своё повествование из места происшествия. Полиция пока никаких официальных заявлений не даёт, но неофициальные источники сообщают, что все погибшие — члены Екай-но-кай. Были убиты даже самые «верха» из этой банды, включая так же Сэки Кирина, главу группировки. Поговаривают, что это была разборка между двумя враждующими между собой кланами, в результате чего один из них перестал существовать. Полиция уже давно следила за бандой «Ёкай», которая была основана Саотоме Кирином, мигрантом с Японии, ещё в далёких девяностых. Приспособившись к национальным особенностям криминального мира, Кирин смог создать некое дикое подобие банды якудза на свой лад, что существенно отличается от традиционных банд якудза...

— ТВОЮ МАТЬ! — заорал Захар и,

выключив ящик, с силой бросил пульт в плазму. После такого полёта пульт упал на пол, а на экране пошли трещины. — Чёрт! — он сжал кулаки от злости. На левой руке опять проступила кровь. Но ему было плевать. Теперь он ещё и отомстить за себя согласно всё тому же Кодексу чести не сможет. Экс-Ёкай зарычал сквозь зубы. Исступляющая ярость от бессилия овладела им. Какой гадости ему ещё ожидать?...

* * *

Он сидел и скучающе смотрел в окно, подпирая лицо правой рукой. Первое сентября, начало нового учебного года. Для кого-то это даже, может быть, по-своему счастливое время. Ведь из детства повелось так, что родители копят деньги к первому сентября, а потом тащат своих чад по магазинам, чтоб скупить им лучшие канцелярские принадлежности, новую форму, туфли и прочее барахло. Но у Захара такого никогда не было, поэтому какого-то особенно поднесённого состояния он не испытывал.

За время каникул Бэх уже фактически полностью восстановился. Единственное, ему пока были запрещены интенсивные тренировки, что, однако, вряд ли долго бы останавливало его. Лишь свежие шрамы служили напоминанием о той ночи,

когда он чуть не стал бесплотным духом.

Молодой человек осмотрел свою левую руку, проследил взглядом за шрамом, который змейкой проходил вдоль неё и лишь презрительно фыркнул. Он до сих пор не мог простить себе того, что тогда так позорно проиграл.

Урок ещё не начался — была перемена. Парня так и подмывало куда-то уйти, лишь бы не сидеть в этой гнилой школе, которую он ненавидел всем своим естеством. Это учебное заведение — одна из самых престижных школ страны. Здесь учатся те, кого мы привыкли называть «мажоры», и которые сами себя называют «цвет нации». Ну как «учатся»? Процентом десять здесь пытаются хоть как-то получить знания, остальные же... ну, у них есть дела важнее. Например, достать супердорогой мобильник на уроке и зависать в социальных сетях, либо же рассматривать фото на дорогом планшете и тому подобное. Скажите обычные подростки? Ну да, наверное, только вот «обычные» не ставят себя выше всех остальных людей. К тому же, о чём говорить с этими людьми, которые в своём развитии остановились либо на новинках моды (это больше относится к девушкам), либо на новых марках автомобилей/мотоциклов (это больше относится к парням), которые они завтра купят, пофорсят ими, а потом оставят пылиться либо в шкафу (одежда), либо в гараже (машины).

«Они прогнали насквозь», — такое определение им дал Бэх, которого бесили эти люди-маски, в которых всё построено на фальши и деньгах. Именно поэтому он был здесь чужим среди, казалось, своих. Он ненавидел эту школу, в которую его забросили вместе с его сводным братом-ровесником, Александром, так же сильно, как, впрочем, и вынужденного родственника. Беловолосому парню больше была по душе компания из обычной школы этого городка, среди которых затесался и Рыжик, который был его неизменным спарринг партнёром. Нельзя сказать, чтобы Заха питал к ним какие-то дружеские отношения, нет, просто убивать время с ними, а не с пустышками-одноклассниками, было намного веселее, хоть и чревато последствиями.

Что же касается отношения одноклассников к нашему герою, то тут сложно дать однозначный ответ. Кто-то его ненавидел, кто-то презирал за вечные передраги с этими «оборванцами» из простой школы, кто-то восхищался. Но большинство парней хотели стать похожи на Захара, а большинство девушек — приобрести статус законной спутницы (не на всю жизнь, конечно, но хотя бы на длительное время). Ведь, признайтесь, кто из девушек не хотел бы быть той, которая сможет приручить заядлого бабника и свобододлюбивого кота, заставив его принести своё

сердце на алтарь любви? Конечно, то, что в большинстве случаев сердце Намахагэ никому не надо, не в счёт. Ну, подумаешь, они видят в нём лишь секс-машину, престижную безделушку (аки «ох, эта мымра обзавидуется, увидев меня с ним»). А кто из парней не хотел бы, что бы за ним так бегали девчонки, чтобы его делили, как делили Бэха? Кто не мечтал об этом тайком, пускай потом и гнобя себя за столь эгоистичные мысли? Ведь он — идеал. Красив, умён, в спорте первый, грубый, брутальный, необузданный. Именно такие зачастую нравятся девушкам — эдакие «бэд-бои». Он неплохо учился даже (в перерывах между постоянными драками). Конечно, в его неплохой успеваемости есть огромная заслуга Алекса, которому Захар не хотел уступать и не желал слышать от него излюбленное определение зеленоглазого — «ничтожество». Он, своевольный, храбрый и свободолюбивый. Просто какой-то прекрасный разбойник из какой-то мыльной оперы! В общем, спросите любую девчонку из его школы, кто такой Захар Бэх, вам ответят что-то вроде: «классный парень». Именно поэтому парни на него равнялись, хотя и не признавали этого, хотя и скрипели зубами от злости, когда его видели, уводящим очередную «девчонку-на-одну-ночь». А что? Ненавидеть, презирать, но о первобытных инстинктах не забывать! Ему предлагают, он не

отказывается — помните? И она идёт радостная, надеясь, что сумеет обуздать эту «необъезженную лошадку», что её «подруги» будут давиться от зависти, узнав это. Но верх идеала — разбить ему сердце. В таком обществе после того, как вы разобьёте сердце самому известному бабнику школы, ваши рейтинги взлетят вверх, словно акции на бирже. Но могут и упасть, подобно им же, если вы проиграете эту битву, что, собственно говоря, случается каждый раз. Заха далеко не дурак, не умалишённый, чтобы преподносить своё сердце, израненное, покрытое шрамами, кому-либо. Он прекрасно осведомлён с правилами этой нелепой игры. К тому же... уже довольно-таки длительное время за ним закрепилась кличка «Бессердечный Кайзер», что, собственно говоря, не мешает некоторым особо мечтательным личностям всё же грезить статусом «императрицы». Спросите, почему «Кайзер»? Всеми виной история, вернее её преподавательница — Мария Станиславовна, которая, обладая даром видеть души людей, однажды назвала так горделивого ученика. Так срослось, что имя это прижилось за Бэхом, и стало одним из многих. А «Бессердечный» уже после добавилось...

Именно поэтому возле Захи всегда крутилось много людей. Общение с ним всегда было престижным делом. А его это порой сильно

раздражало, что делало молодого человека ещё более привлекательным в глазах окружающих. Ведь чем хуже ты относишься к людям, чем меньше ими дорожишь, тем больше почему-то они дорожат тобой и ценят тебя. И наоборот, чем лучше ты к людям, тем хуже они к тебе, вытирая о тебя ноги, используя тебя. Так не резонней ведь занять позицию того, кто не ценит, нежели быть тем, кого не ценят? Вот и Кайзер давно для себя нашёл ответ.

Возможно, вы скажете, что всё это есть неправдоподобно, утрировано... Да нет же, нашему социуму, увы, не чужды такие «причуды». Просто они прикрыты либо нарочитым неведением, либо простым принятием разложения общества, как должного.

Итак, вернёмся к Бэxu, который, ненавидя этот социум, стал неотъемлемой частью его. Он не питал к себе жалости по этому поводу и тем более не нуждался в ней от кого-либо. Его вполне устраивало нынешнее положение вещей. Он, можно сказать, ловил от этого кайф, хотя периодически его всё это бесило.

И вот он сидел и ожидал начала урока, размышляя о том, что после уроков пойдёт на тренировку. В классе было шумновато — все что-то обговаривали, делились впечатлениями. Некоторые девушки периодически посматривали на первого красавца школы, безнадежно ища ответного

взгляда. И вот прозвенел звонок. Зашёл учитель, а Захар даже взгляда на него не перевёл, не то, чтобы встал.

— Садитесь, господа, — проговорил он. — Поздравляю вас с началом учебного года...

«Нашёл с чем поздравлять!» — подумал парень, пропуская слова учителя мимо сознания.

— ... новая ученица...

— Здравствуйте, — донёсся тихий девичий голосок, — меня зовут Анастасия Иващенко, можно Ася. Рада знакомству.

Судя по голосу, девушка была очень стеснительной и нешумной, — такой сделал вывод про себя Бэх.

«Тихоня! — подумал он. — Долго, подобно и другим таким же, здесь не протянет...»

Но всё же любопытство его сломило, и он повернул голову в сторону девушки. Итак, красивые стройные ножки, в меру коротенькая юбчонка, симпатичные округлые формы, тонкая талия, лёгкая рубашечка, которая своим не слишком большим разрезом скрывала предмет девичьей гордости — грудь.

«Да, ей-то гордость, а наши-то наверняка от зависти задавятся. Тем более что гордиться есть чем», — пронеслось в голове у парня, который чуть было не присвистнул.

Она перебирала пальцы — всё-таки сильно

нервничала.

«Одежда подобрана со вкусом, но всё-таки как-то слишком просто для нашей школы», — сделал умозаключение Кайзер.

Длинные рыжие волосы.

«Рыжие... столь необычные...»

Правильной формы лицо. Красивые серые глаза. Румянец на щеках и добрая, почему-то извиняющаяся, улыбка. Фиолетовые серёжки в виде звёздочек, придающие какую-то нотку детской непосредственности их обладательнице.

«Стоп! Я её уже где-то видел», — Заха уже вовсю пялился на девушку.

«Чтоб. Вам. Пусто было!»

Глава 3. Неждан

Бывает же так в этом мире: одним судьба дарит всё, у других же всё забирает. Мы слепо верим, что после чёрной полосы обязательно наступит белая, которая не только перестанет отбирать у нас что-то, а наконец-то хоть что-то подарит взамен. Взамен на эти страдания, взамен на эту гребанную, тупую боль, что, кажется, настолько въелась в кожу, что её не отмыть, не отодрать с кожей... Но бывает и так, когда верить уже не во что, а кто-то усердно надеется на лучшее. Бывает, кого-то судьба ломает, да так, что аж страшно,

жутко смотреть на ошметки того, что она оставляет после себя, но этот человек не теряет своей маленькой, нелепой, почти мизерной надежды, которая помогает ему жить. Другие же, никогда не испив чаши скорби до дна, не научившись ценить, что имеют, опускают руки при первом же препятствии. Бывает же так... кто-то усердно борется за свою жизнь, а кто-то делает шаг в небытие с многоэтажки. Кто-то стремится выжить, а кто-то себя намеренно убивает, утопая на дне бутылки, либо теряя себя на конце иглы, либо давит педаль в пол — у каждого своё решение. Кто-то, познав ад на земле, остаётся чистым ангелом в этой грязи, белой вороной для остальных, а кто-то, познав излишества и пиршества, становится демоном во плоти, и это, увы, никого не трогает.

Несправедливо? А ведь такова жизнь. И возникает вопрос: что значит жить? ЖИТЬ! Одно слово, четыре буквы, а смысл для каждого свой...

Эту девушку жизнь не баловала. Редко она дарила ей подарки, чаще забирая что-то, нежели отдавая. Но она жила. Пыталась, по крайней мере. Пыталась не потеряться в этой бездне, не стать кем-то другим, столь непохожим на неё саму. При всей своей робости характера в этом она сохраняла твердость, даже упрямство. И пускай!.. Пускай она разобьет об эту стену лоб! Зато она точно будет знать, что сделала всё, что могла.

Но в этот момент эта её решимость не помогала справиться с накотившим волнением. Девушка осмотрела бегло своих новых товарищей и опустила взгляд. Кто-то при виде новенькой начал шушукаться, кто-то безучастно осматривал её. Некоторые парни похотливым взглядом уже мысленно раздевали её. Девчонки, которые были неудовлетворенны своими фигурками, завистливо кривили свои лица при взгляде на рыжую соперницу. Кому-то не было до неё никакого дела. Кто-то даже был присвистнул при виде новой очаровательной особы женского пола.

Всё это, увы, не придавало ей уверенности в себе. Глаза. Их всех объединяли глаза, холодные, безучастные, презирающие, пожирающие.

Девушка шумно втянула в себя воздух. Кажется, приток кислорода немного ей помог прийти в себя.

— Здравствуйте, — собственный голос ей казался таким чужим и неестественным, но рыжеволосая продолжила: — меня зовут Анастасия Иващенко, можно Ася. Рада знакомству.

* * *

«Твою же ж мать!» — на некоторое мгновение из лексикона Бэха пропали все выражения, кроме одной конструкции, что способна была столь

красочно описать его изумление всего четырьмя словами, что даже Эллочка-людоедка ему бы позавидовала. Ну, конечно, куда уж сравнивать тридцать и четыре! Заха просто гений, так красочно и ярко, а главное лаконично описать своё душевное состояние...

Пока девушка, запинаясь и отчаянно борясь со своим дрожащим голосом, что-то рассказывала о себе, как принято делать всем новеньким в их классе, к беловолосому понемногу начал возвращаться дар речи, ну или мысли...

«Скажите мне, что я ослеп! Или у меня глюки! Это действительно она? Она?» — парень снова осмотрел девушку с ног до головы, но уже слегка скептическим взглядом, словно ища что-то в её маленьком силуэте, что-то, чего он сам не знал.

«Да... Всё-таки она... У меня слишком хорошая память на лица. Ещё с улицы выработалась. Но... Как? Как эта запуганная с виду девчонка могла одна тёмной ночью спасти какого-то окровавленного мужика?! Смешно просто себе представить! Она. Меня. Спасла?»

Тем временем новенькая окончила свой рассказ, и учитель, снисходительно улыбнувшись, предложил ей занять место прямо перед Бэхом. Девушка благодарно кивнула и направилась к указанному месту. Ещё не доходя до своей парты, она встретила взглядом с колючими зелёными

глазами, что были какими-то холодными и явно недружелюбными. Новенькая сразу узнала парня, ей хватило одного лишь взгляда, и Захар это понял.

«Интересно, что она возомнит о себе после этого? Будет ли считать, что я ей обязан? Что потребует взамен? Ха! Вот ещё! Я не просил её меня спасать! О, но что это?...»

Удивление на лице девушки, которое всего на миг отпечаталось на её лице, сменилось каким-то смущением. Она опустила взгляд, не в силах выдержать взор по-кошачьи зелёных глаз с поволокой. Ей ничего не надо, она не будет показывать своё превосходство только потому, что спасла его. Он понял это. Почувствовал. Хищная, самодовольная ухмылка воцарилась на его лице, пока он наблюдал, как она на негнущихся ногах подошла к парте и села за неё. Забавно, но на некоторое мгновение он даже почувствовал некое разочарование, что всё обошлось без приключений.

«Спровоцировать её что ли?» — пронеслось в голове у Кайзера. Уж больно он хотел увидеть её реакцию теперь.

Парень упорно сверлил спину девушки взглядом, и та это чувствовала, поэтому ей было крайне неудобно. Он видел это, он знал, но от этого его ухмылка стала ещё шире. Бэх пристально изучал девушку, его взгляд блуждал по ней, словно путник, сбившийся с верного пути. Но вскоре Заха

одёрнул сам себя, рассудив, что ему не пристало так интересоваться этой особой. Но всё же... было что-то, что он упорно упускал. Что-то не так... отчего-то складывалось такое впечатление. И парню это не нравилось. Но свои размышления он решил оставить на потом, а сейчас надо загрузиться работой, чтобы этот ублюдок Александр не смог обскакать и тут своего названного брата.

«Так что у нас там? Математика! Мда... самый тупой предмет поставили в первый же день...» — Захар устало вздохнул и скучающим взглядом начал блуждать по своей тетрадке, в которой всеми правдами и неправдами, но всё-таки красовалось его выполненное, не факт, что им самим, домашнее задание...

«Ахаха... Пай-мальчик, нах...» — подумал он, по привычке своей негодуя, что в их школе им задавали домашние задания даже на каникулы.

* * *

Он стоял, опёршись на перила крыши здания, которое носило гордое название «школа», да ещё и ни какая-то там, а престижная. В наших школах обычно не оставляют открытыми крыши, обоснованно переживая за учеников, однако, эта школа была исключением — тут постарались сделать всё, чтоб сделать крышу как можно более

безопасной для учащихся, но те, увы, туда так и не стали заглядывать, кроме Кайзера.

Была перемена, поэтому Намахагэ не упустил свой шанс исчезнуть из этого гадюшника, который за первый же день успел ему так осточертеть. Парень смотрел на небо, на белые облака-пушинки, а в этот момент его всегда хмурое лицо было расслабленным и каким-то умиротворённым. Нет, не подумайте, он не романтик. Просто он любил одиночество. Он не стремился в стаю, как гиены, он был свободным тигром. Он любил небо, ибо оно было для него свободой. Столь необъятная и огромная материя, кажется, делилась с ним своей независимостью.

Эта перемена была большой. Времени хватало на ланч, как новомодно называли перекус в их кругах, но он не имел такой привычки тащить с собой ещё и еду в школу. Если бы Бэх проголодался, он мог бы спокойно уйти с уроков, поесть где-то, а потом, если бы парня вдруг замучила совесть, что ему было не свойственно в принципе, он мог бы заявиться под конец урока в класс с наглой ухмылкой на губах. И ему всё прощали. И придраться не к чему: уроки готовы, на уроке (если он присутствует на нём) парень слушает, хорошая память помогала сдавать все контрольные хорошо. В их обществе вообще считалось, что Захар — отличник. Единственный.

На весь класс. То ли дело параллельный класс. Там их было аж пятеро, включая его сводного брата Александра. А теперь приплюсуйте к этому авторитет отца беловолосого. Вот поэтому в школе не было таких учителей-камикадзе, которые бы попробовали прессовать бывшего уголовника, да ещё и мажора в придачу. Фактически не было... Просто на всю школу были лишь три человека, которые не боялись ни парня, ни его родителя, ни его криминальных связей. Это был директор — суровый старик, очаровательная учительница истории, о которой вспоминалось ранее, и учитель физкультуры у парней, который особо любил своего ученика за исполнительность и рвение к дракам, о, пардон, спаррингам, которые устраивал физрук.

Ещё за эту перемену многие успевали пойти покурить возле стоянки, где «проверяли сохранность своих автомобилей», а на деле же просто хвастались новыми приобретениями. Захар же не курил. Пробовал в более раннем возрасте, но вскоре бросил, уличив за собой то, что это плохо сказывалось на его дыхании во время драки. К тому же ему это не особо и нравилось, ещё с детства. Вот говорят, в деструктивной семье ребёнок стремится быть похожим на родителя-зависимого (нарко-, алко-, табачнозависимого). В психике парня выработался другой механизм: он стремился быть

непохожим на свою мать, он не мог себе этого позволить, поэтому сигареты быстро утратили свой интерес для него, когда он вспомнил, с чем они у него ассоциируются. На иглу он тоже поклялся никогда в жизни не садиться. Что же касается зелёного змея, то тут всё очень и очень интересно. Об этом вы узнаете позже. И это ещё сыграет свою роль в его жизни, и не раз...

Итак, вернёмся к нашему главному герою, спокойствие к которому, увы, вопреки его ожиданиям, всё не приходило. Его съедали разные мысли, воспоминания прошлого, которые были вызваны, непонятно чем. Потому-то он вскоре перенёс своё внимание на новенькую, которая почему-то его заинтересовала.

«Может, стоит переспать с ней? Делов-то... — размышлял парень. — Но с такими, как она, это всё так напряжно. Им подавай любовь, романтику. А потом эти «я не могу», «пожалуйста, подожди», «я боюсь», «больно». И в результате никакого удовольствия. Зачем мне этот гемор? Хотя фигура у неё ого-го!»

Он усмехнулся своим мыслям, чуть буквально не причмокнув губами.

«Не, точно нет! Зачем оно мне надо? Так, сегодня уже пойду чистить физиономию этому рыжему засранцу Игорьку! Перед этим надо хорошенько размяться. Надеюсь, старик соскучился

по мне и разрешит подольше пофаршировать Агаркова», — широкая ухмылка стала ещё шире и самодовольней.

После этих размышлений, когда Бэху уже удалось избавиться от навязчивых воспоминаний, а заодно и поднять себе настроение предвкушением избиения младенца (ну, семнадцатилетнего, но младенца), парень решил пойти в класс — уж больно жарко становилось здесь, на крыше.

Начало осени, а жарит, как летом!» — проворчал он про себя.

Заха медленно, полулениво начал разворачиваться в сторону выхода, как вдруг что-то грохнуло. Инстинктивно парень быстро развернулся к источнику звука и буквально замер на месте.

Рыжая девушка наклонилась и подняла бутылку с водой левой рукой, так как в правой держала что-то похожее на лоток с едой. Когда она распрямилась, то виновато заулыбалась и проговорила:

— Прости...те... я-я не знала, что тут кто-то есть, — запиналась она, — я просто хотела побыть одной.

Казалось, Кайзер завис на несколько мгновений.

«Не, ну не песец?! Белый и пушистый такой...» — он мысленно выругался.

Под его колючим хмурым взглядом она чувствовала себя явно не очень хорошо. Девушка, казалось, вся съёжилась, сжалась в комок.

— Я... пойду, — наконец выдавила она из себя, не в силах больше находиться с беловолосым наедине.

— Я уже всё равно собирался уходить, — хриплый громкий голос эхом отдался в её голове. И он, ничего больше не сказав, с типичным лицом блефующего игрока в покер прошёл мимо неё, направляясь куда-то прочь. А она так и стояла, словно приросла к месту, где её стопы касались плитки, которой была вымощена вся площадка крыши.

Проходя мимо, он успел поймать едва заметный запах карамели и лимона, что исходил от неё.

«Наверняка шампунь, — неосознанно заключил экс-Ёкай, — столь странное сочетание...»

Девушку тоже обдало его слегка тёрпким, но освежающим парфюмом.

«Как-то слишком много совпадений. Мне это уже надоело, — думал он, шагая по лестнице. — К тому же мой островок свободы был оккупирован какой-то девчонкой! Моё место душевного обогащения! Сударь! Господин Кайзер, вас потихоньку выживает какая-то тихоня! Пф!»

Громкий смех раздался по полупустынному

коридору.

«Ахаха, блин, держите меня семеро!»

Отчего-то настроение было не таким уж и плохим, не смотря на много раздражающих факторов. Парень бодро зашагал в направлении, противоположном классу, в котором он должен был по идее через пятнадцать минут начинать грызть гранит науки. Но желание у Захара угрызаться зубами в столь неподъёмную ношу внезапно появилось, улыбнулось и ласково так помахало ручкой на прощание...

* * *

Они сидели на развалинах какого-то недостроенного дома. Эта старая заброшенная стройка издавна была местом их сборища. Они тут проводили время, когда делать было нечего. Они — столь разношерстая компания, что трудно даже представить себе, что их может связывать. Эти люди были молоды — пожалуй, единственное, что их объединяло. Во всём же остальном, от цвета волос до характера, они были разными, все семеро. Но, как ни странно, этот даже слегка неполный состав их мини-банды, в который входили даже девушки, большинство своего времени держался вместе. Приключения они переживали вместе. Да, именно, это те самые сорванцы из обычной школы,

с которыми проводил своё время и Заха. Были здесь, конечно, и Агарков с его подругой — Кравченко Светой.

В общем «бригада» была ещё та.

И сейчас они, собравшись здесь, занимались каждый своим делом. Кто-то спорил, что-то доказывая своим товарищам, усиленно по привычке жестикулируя. Кто-то, что называется, втыкал, а кто-то пытался заделаться эксгибиционистом, наслаждаясь последними лучами солнца. В общем, шумиха была ещё та, и неведомо, кто её больше создавал — сильный пол, или представительницы прекрасного.

Рыжик сидел и наблюдал за этим шоу, не решаясь вмешаться, чтобы не попасть под перекрёстный огонь и под горячую руку своей девушки. Уж он-то знает, что это такое, и не понаслышке.

А Бэх сидел поодаль и попивал газировку. Он был одет так же, как и они, в школьную форму. Только пиджак, который валялся рядом, с отличительным гербом на нём, делал его чужим здесь. Но потому-то он и лежал, небрежно брошенный на траве, пока его хозяин, расстегнув две верхние пуговицы рубахи до короткого рукава и сбросив галстук, эту чёртову удавку, к пиджаку, сидел здесь, за метр от своего главного противника и соперника, Игоря Агаркова.

Тренировка на этот день была отменена. А так как старик-тренер поставил правило этим завсегдатаям его клуба не драться между собой ещё где-то, только под его контролем, то это значило, что и драка отменялась тоже. Что не говори, а старика уважали. Против его слова не пошёл даже Бэх, которого подмывало размять кости после длительного выздоровления. Да и смысл? Смысл рисковать шансом драться почти каждый день, улучшать свои навыки, ради какого-то мордобоя на улице, на один раз? К тому же, нужны свидетели его, Захара, победы над Рыжиком, как все называли Игорька. Да и жара не прибавляла особого рвения, а наоборот разводила лень в голове у Намахагэ.

Поэтому он-то и сидел здесь, с этой неугомонной компанией, с которой ему было просто, как бы это пафосно и не звучало.

— Эх, как же мне надоела вся эта братия из моей школы, — вдруг подал голос экс-Ёкай, задумавшись о чём-то своём.

— Ты так почти каждый день говоришь, — спокойно ответил Игорь.

Да! Они могли так спокойно разговаривать. Так, словно старые товарищи, которыми, по сути, и являлись. Они могли. Ведь кроме соперничества их связывало что-то на подобии дружбы. Пускай они этого и не признают...

— Да достали просто. Даже подраться толком

не с кем. Один физрук спасает.

Игорь лишь хмыкнул. Возникла пауза.

— Слушай, Захар...

Бэх насторожился: Агарков называет его по имени, значит, что-то будет. И он не прогадал.

— А ты знаешь, Асю Иващенко? Она ведь в твоём классе учится?

* * *

— Слушай, Захар, а ты знаешь, Асю Иващенко? Она ведь в твоём классе учится? — Бэх чуть не поперхнулся газировкой, которую имел неосторожность пить во время сией дивной дискуссии.

«Чё за прикол?! Рыжик решил поговорить со мной о женщинах? Я что похож на ведущего программы «Поговорим об этом»?!»

— Эй, Ага, тебе, что Светки мало? Вон какая у тебя гром-баба! Плюс я не занимаюсь сводничеством, если чё. Огробать от твоей ненаглядной мне как-то не хочется. Маваша у неё слабенький, но вот её привычка бросаться во время гнева в тех, кто ей под руку попадается, всем, что есть в поле зрения, меня немного напрягает. Знаешь ли, я только из больницы вышел. Так что... — Заха замолчал, а у Игоря, как показалось беловолосому, начал дёргаться глаз.

«Представил, небось, бедненький, свою возлюбленную в гневе», — молодой человек не смог сдержать широкую ухмылку.

— Придурок, ты меня не так понял! Так ты знаешь её? — кажется, рыжеволосому тоже внезапно захотелось начистить до блеска одну самодовольную физиономию.

Кайзер нахмурился, словно пытаясь что-то вспомнить, а потом недоумённо посмотрел на Агаркова. Тот тяжело вздохнул и произнёс:

— Ну, рыженькая такая, с миловидной фигуркой. Она должна была к вам в школу перевестись...

Экс-уголовника словно током ударило.

— Была такая. Странная такая, — как-то задумчиво проговорил он, решив всё же умолчать о том, что эта «странная» спасла его жизнь, ибо пока он даже сам себе в этом не признавался, просто не мог себе этого позволить. — А тебе какое до неё дело?

— Она моя подруга детства. Плюс лучшая подруга Светы, хотя и влюблена в меня, — Рыжик снова тяжело вздохнул и потупился в пол, словно его мучила совесть.

— Ааааа, — протянул Кайзер, — я понял. Ты хочешь её спихнуть на меня? Ну, типа чтобы я её занял, отвлёк от такого мачо, как ты. Да? Я угадал? — то ли намеренно, то ли правда не

замечая выражения лица своего соперника, которое от смущения переходило в негодование и обратно, Заха продолжал: — Ну, так уж и быть, я могу за это взяться по старой дружбе, но ты тогда мне будешь должен, как земля колхозу, — он посмотрел на Игоря и одарил того самой невинной улыбкой, какая только была в его арсенале. Неизвестно, то ли ему нравилось раздражать своего соперника, доводя того до ярости, то ли он правда так подумал, то ли им руководило что-то ещё — Захар и сам этого не осознавал. Он просто действовал, как всегда, как привык действовать.

Успокоившись, Агарков, видимо, решив не усугублять ситуацию и игнорировать все замечания в свой адрес, промолвил:

— А вот этого как раз таки и не надо! Только попробуй!.. Иващенко, она не такая. Не надо её ранить. Она и так слишком многое перенесла. Сначала мать-проститутка, которая бросила своего неудачника-мужа. Потом тот же брошенный отец-уголовник избивал своих детей. А когда её брат, забрал её, она жила с ним, пока того не сбил автомобиль насмерть. Вот сейчас она живёт совершенно одна, стараясь не унывать, хотя и вынуждена бросить своих друзей и перейти в твою школу, — Игорь замолчал, смотря куда-то вдаль, скривившись после слова «школа» так, словно знал, что на самом деле таили те стены.

— А почему она перешла? Ведь, судя по твоему рассказу, она не из богатых явно, то есть явно не из нашего контингента, — вдруг ни с того, ни с сего спросил Демон.

— Её крёстный, не самый бедный человек, я тебе скажу, который выделяет ей мизерную сумму на жизнь, отправил её туда по блату, даже не спрашивая её желания. А она не может этому перечить.

— Да, — задумался о чём-то Кайзер, — жаль девчонку.

— Раньше её подруга Крис Корина, может, слышал о ней, всячески защищала Настю, а когда начала периодически ездить на соревнования, эта роль перешла ко мне. Ведь, кроме нас, её-то и защитить некому. Но теперь я не могу этого сделать. Я предлагал ей встречать её со школы, она отказалась. Наверняка не хочет меня утруждать. В вашей школе всех построить, как это я делаю в своей, я не могу... — Рыжик сделал паузу, — Захар, не мог бы ты позаботиться о ней?

Теперь уже Бэх смотрел на Агаркова круглыми глазами. Возникла пауза, которую никто не решался прервать. А когда экс-Ёкай переварил услышанное, то залился грубым, присущим только ему смехом. Он недолго смеялся, но, как всегда, слишком громко, чтобы их товарищи дружно перевели на него свои взгляды, а потом дружно

продолжили заниматься тем же, что и раньше.

— А... Агарков... — Кайзер не мог говорить из-за смеха, — ты чего, перегрелся? Я что, нянька тебе, что ли? Ты в своём уме?! Мне и своих забот хватает. Я не Мать Тереза и не Супермен на подработке! Ты же пошутил, верно? — Заха посмотрел на своего вечного противника, но тот отвёл взгляд и пробормотал:

— Нет, не пошутил, — интонация его голоса была какой-то отрешённой, в ней сквозило разочарование. Экс-уголовник уловил это. И снова возникло это чувство... словно он опять что-то упустил. Это начинало надоедать и выбешивать.

«Блин! Я ведь никому ничего не должен!»

* * *

Захар сидел возле окна в классе и смотрел куда-то вдаль. Когда ему надоело это занятие, он вальяжно развалился на стульчике и прикрыл глаза, медленно погружаясь в полудрёму. Это было утро. До начала занятий оставалось ещё где-то пятнадцать минут.

«И чего это я так рано припёрся?» — подумал парень, лениво потянувшись, снова закрывая глаза после этого.

Обычно наш герой никогда не спешил в «бурсу», позволяя себе периодически опаздывать на

уроки. Ну как «периодически»? Правдивее сказать, что он периодически не опаздывал на уроки.

Но сегодня он проснулся раньше будильника и, не найдя, чем себя занять с утра, решил удивить храм науки своим присутствием здесь в нужное время. О чём, собственно говоря, сейчас и жалел.

«Скучно до жути! Я ожидал, что они хотя бы фанфары и оркестр закажут в честь такого явления... Скукотища!» — вынес он свой вердикт, решив больше никогда не поддаваться на подобного рода эксперименты.

В классе уже было человек десять, но разговаривать с ними желания как-то не было, поэтому Бэх сделал вид, что дремлет, откинувшись на спинку стула.

Вдруг за дверью послышался шум.

* * *

— Ася, Асенька, душа моя, хочешь, я покажу тебе свой новый байк? А может, и прокачу на нём? — вырвал из раздумий девушку совершенно незнакомый голос. Брюнет с самодовольной ухмылкой на губах смотрел на замершую от удивления Иващенко свысока. А его дружки стояли чуть поодаль, наблюдая за оной ситуацией и еле сдерживая смехи.

— Нет, спасибо, — ответила робко она. —

Можно я пройду?

Но, видимо, парень и не спешил пропускать девушку в класс.

— Ты уверенна? — спросил он, прищурившись, а его товарищи уже вовсю смеялись, потешаясь над ситуацией, когда их товарища отшивает стремительно краснеющая рыжеволосая девушка.

— Д-да, пропустите, пожалуйста, — казалось, она вот-вот заплачет, так жалобно прозвучала её просьба.

— Ну, смотри, как знаешь, — проговорил недо-поклонник и отступил в сторону, пропуская Анастасию в класс.

Как только девушка вошла, то глаза её, пройдясь по всей аудитории, на мгновение задержались на знакомой беловолосой макушке. Но лишь на мгновение. Девушка облегчённо вздохнула: он сидел за самой последней партой, не так как вчера, поэтому можно было спокойно занять то же место, что и днём ранее. Она чувствовала себя рядом с ним неоднозначно. С одной стороны его взгляд был таким отталкивающим и даже пугающим. А с другой стороны он был единственным относительно знакомым ей человеком среди толпы незнакомцев. Что ни говори, а Анастасия никогда не умела сходитья с людьми.

Когда она впервые его увидела ночью на улице, окровавленного и умирающего, она не отдавала себе отчёт в том, что делает. Она просто знала, что так нужно сделать. Знала, ибо когда-то мечтала стать доктором и спасти людей. Когда-то, до того, как её крёстный поставил её перед фактом, что она пойдёт учиться после школы на экономиста. Но знания, которые она так бережно по крупице собирала, их ведь не пропьёшь, как говорится. Да и девушка же не пьяница. Вот и тогда, забыв о страхе и о риске, она как истинная слуга Гиппократа, самоабвенно спасала умирающего юношу. А потом, передав это дело профессионалам, она поспешила домой, где её, увы, никто не ждал.

Хотела ли она навестить того, кого так самоотрёченно спасала? Да. Естественно. Ей хотелось узнать, как он, как обстоят его дела с выздоровлением — о чём она не сомневалась, ибо просто не верила в летальный исход, не хотела верить. Но опять-таки рыжеволосая не хотела, чтобы кто-то ей был обязан, чтобы кто-то чувствовал себя неуютно из-за этого, потому что спасти людей это долг врача. Истинного, хорошего врача, коим ей никогда не судилось стать...

Судьба всё-таки непредсказуемая штука! Надо же ей было встретить его в новой школе! И надо же было такому случиться, что теперь она чувствовала

себя неловко рядом с ним, словно бы она виновата в том, что тогда наткнулась на него, а не прошла мимо. А он? А что он? А ему, ему, по закону жанра, должно быть все равно. Хотя почему должно? Ему и есть всё равно.

А тут ещё и «сотоварищи» по школе начали доставать, ещё со вчерашнего дня. Да, свалилось же всё это на её хрупкие плечи! Одно радовало девушку: у неё появился мизерный, призрачный, но шанс забыть свою беззаветную любовь — Игоря Агаркова, человека, которого она так сильно боготворила, парня, который, сам того не желая, принёс ей столько боли.

* * *

Намахагэ всё так же продолжал сидеть, откинувшись на спинку стула, когда рыжеволосая вошла в класс. Он никак не подал вида, что заметил, когда её взгляд мимолётно скользнул по нему, а всё так же продолжал наблюдать за ней из полузакрытых век. Почему он это делал? Он и сам не знал. Наверное, ему просто было скучно до чёртиков, а может, было и ещё что-то... На этот вопрос, увы, никогда не найти ответ.

Он осматривал её лениво, как бы невзначай. Вот она раскладывает свои вещи на столе, вот о чём-то задумалась, нелепо нахмурившись.

Вот к ней подходят две «местные стервы», по определению Бэха, Рокси и Таша, чьих настоящих имён, казалось, уже никто и не помнил, только вот эти дешёвые прозвища. Рокси — мелкая девчушка с двумя чёрным хвостом, делающими её похожую на малолетку, вот если бы... если бы не её лицо, то притворно приторное, то презиращуще-ненавидящее. Третьего не дано. Она руководит здесь. Она.

Таша — девчонка с короткими выкрашенными в красный цвет волосами. Она — верная собачонка Рокси. Когда-то Захар даже переспал с одной из них, наверное, с Рокси, но в этом он не был уверен. Во-первых, тогда было темно. А во-вторых, он случайно глотнул не с того стакана, зелёный змей всему виной.

Итак, медленной походкой они, словно змеи, подползающие к ничего неподозревающему кролику, подошли к столику Насти.

Бэх уже знал наверняка, что сейчас будет, но ничего не предпринимал, а просто продолжал всё так же наблюдать.

— Эй, — окликнула рыжую Рокси, — ты, новенькая, — скорее утверждение, нежели вопрос.

— Да? — Иващенко перевела свой взгляд на брюнетку.

— Нехорошо получается!

— Ч-что? — только и спросила девушка.

— Нехорошо, что ты, такая да раз такая,

приходишь к нам в школу и взбаламучиваешь наш чистый пруд, — Рокси ехидно улыбнулась.

«Ага, болото, а не пруд», — подумал Заха, который явственно слышал эти наезды. Слишком явственно.

— В каком смысле? — недоумевала новенькая, и это начало раздражать брюнетку.

— В самом прямом! Парней себе всех заграбастать решила?

— Ах, вот вы о чём, — совсем тихо произнесла рыжеволосая.

«Нашла кому «выкать» тут», — пронеслось в его голове. Сам не зная почему, Кайзер мысленно занял позицию рыжеволосой.

— Слушай, Таша, что они в ней нашли? Ни рожи, ни кожи, да и вещи, по ходу, на барахолке явно куплены.

Рыжеволосая потупилась и не отвечала.

«...*Ведь, кроме нас, её-то и защитит некому...*», — в голове экс-уголовника так некстати всплыл вчерашний разговор. Он нахмурился.

— В общем, слушай меня сюда, красавица, — Рокси ударила ладонью в стол, от чего Ася вздрогнула, — ещё раз такое повторится — и ты горько об этом пожалеешь.

«...*Захар, не мог бы ты позаботиться о ней? ... Нет, не пошутил...*»

— Ты уяснила?

— Д-да, — тихо произнесла рыжеволосая девушка.

— Не слышу, рыжая! — брюнетка картинно поднесла к уху правую руку.

Но повторить Иващенко была не судьба: Кайзер резко поднялся с места, от чего его парт, стукнувшись о подоконник, издала истошный звук, и направился в сторону девушек. Он был явно раздражён, лицо хмурое, взгляд жесткий, движения хаотичные, нетерпеливые. Вот ещё несколько шагов отделяет его от этих «стерв». Рокси и Таша перевели взгляды на первого красавца школы, искренне надеясь, что он подойдёт к ним и заговорит с ними. Настя всё так же не поднимала голову, даже тогда, когда до неё донёсся запах его парфюма, который она почему-то запомнила.

Но он прошёл мимо. Он направился к дверям, не обращая внимания на взгляды. Наружу. Выйти наружу — вот чего ему хотелось сейчас.

«Что за нахер?! — пульсировало в его голове. — Меня это не заботит! Грёбанный Рыжик перенёс свои проблемы с больной головы на здоровую! Гррр!»

«...Захар, не мог бы ты позаботиться о ней? ... Нет, не пошутил...»

«Вашу мать! Я что, нянька, или секьюрити?!»

Почему? Почему это его так... задело? Жалость? Неужто она?

Выйдя на свежий воздух, парень лишь фыркнул. Он постоял так минуты три, а потом, когда прозвенел звонок, глубоко вдохнул, словно собираясь войти в подземелье, где затхлым воздухом невозможно дышать, и нехотя направился обратно в класс, списав это всё на то, что просто засиделся. Да, он засиделся. Длительное отсутствие тренировок плохо сказывалось на нём — не было куда выплёскивать свою энергию, негатив, агрессию. Вот он и стал чересчур чувствительным. Хотя какое там. Его больше волновало то, что эти ненужные слова всплыли в его памяти, нежели то, что кто-то там прессовал рыжеволосую. И это была правда... Он себя в этом убедил.

* * *

Он был спокоен. Он был расслаблен. Он лежал на широком выступе на крыше и смотрел на небо. Дыхание расслабленное, медленное. Он бы так хотел забить на следующий урок, но Мария Станиславовна, та самая учительница истории, которую за глаза звали «Стахановка», обязательно кого-нибудь пошлёт за ним, а потом будет его вычитывать в этой особенной, свойственной только ей, манере. А так было «облом», по его же определению, не смотря на то, что история так и звала к себе, грозя расправой её

преподавательницы...

Его рубашка, как всегда расстёгнутая на две верхние пуговицы, пропускала прохладный ветерок, который дарил такое умиротворение и покой.

— Послушай... те... — его рай был нещадно прерван, и нарушительница, видимо, не знала, как обращаться к владыке этого места. Захар же поднял голову и так и завис на некоторое мгновение.

«Рыжая, блинный оладушек, ты что меня преследуешь?!» — подумал он, и подобное соображение было написано на его лице.

«Может, мне уже начинать её бояться?!»

— И?... — только и произнёс Бэх.

— Вы не против, если... — она замялась, — если я тут переобедаю? — девушка посмотрела на парня с надеждой в глазах.

«Может, её прогнать? Послать подальше, туда, куда я сегодня с утра дворника посылал?»

Кайзер не переставал смотреть на девушку, которая выжидала его ответа.

«А с другой стороны... отправить её в тот гадюшник... Но это мой приют!»

Он вздохнул и улёгся обратно.

— Валяй, — и мысленно: «только не мешай».

— Спасибо, — оживлённо ответила девушка.

Она присела недалеко от бывшего Ёкай и принялась за свой ланч.

«И с чего это я такой добрый и вежливый сегодня? Что скончалось в страшных муках там, в лесу, что я так очеловечился, как сказал бы отец?»

— Извините, — Анастасия снова решила привлечь внимание парня.

«Ну что ещё? Слушай, девчонка, ты явно нарываешься! Если же я всерьёз за тебя возьмусь, меня Рыжик до конца жизни будет чмырить, а то и смотри, спарринг партнёра лишусь! А мне так в кайф чистить его моську...»

— Да, — лениво протянул он.

— Не хотите ли вишнёвого пирога? — невинно спросила одноклассница нашего героя.

— Нет, — как-то раздражённо бросил Кайзер, а потом всё же тихо добавил: — Спасибо.

* * *

«Ну уж сегодня Агарков огребёт! Вот так огребёт!» — он был сильно раздражён. Это его раздражение граничило с гневом.

— ... итак, этот проект вы будете делать парами... — говорила тем временем Станиславовна.

«Но перед этим надо хорошо размяться, а то у меня уже, позор, кости хрустят!» — раздражение плавно сменилось на предвкушение.

— ... чтобы хорошо сбалансировать ваши

возможности, поэтому возражения по поводу партнёров не принимаются. Итак, оглашаем список...

«О, да! Так уж и быть поунижаюсь, попрошу старика позволить сегодня и грушу полупить!» — он был готов прямо сейчас вскочить и побежать на тренировку.

— ... вы берёте сёгунат Токугавы. Последняя тема — становление США. Итак, достаётся Она Иващенко Анастасии и... Захару Бэху...

«О, да... Что?! Стоп! Что я пропустил?» — беловолосый начал судорожно прокручивать в голове то, что он успел услышать. А потом посмотрел на рыжеволосую, которая, казалось, была удивлена на меньше его.

Он ухмыльнулся. В голове сразу же созрел коварный план.

«Похоже, она неплохо учится! Что ж, это мне на руку. Сброшу всё на неё, не без помощи моего природного обаяния, конечно, и дело с концами! К тому же она же явно не будет желать запортить проект, так что будет сговорчивой», — он самодовольно улыбнулся.

— Не тут-то было, господин Кайзер, — «Стахановка» оказалась прямо перед партией беловолосого, помахала перед его лицом указательным пальцем, а потом наклонилась и полушёпотом продолжила: — Ваши обязанности

распределены заранее, не сделаешь свои, Насте ничего за это не будет, но вот, подумай, как твой братец к этому отнесётся? Что он скажет на то, что ты не способен работать в паре с девушкой, что ты сбрасываешь все обязанности на неё?

Бэх лишь заскрипел зубами при воспоминании о своём «горячо любимом» родственнике. Всё-таки знает эта чёртова учительница, где у кого слабые места! Мало того, она ещё и мысли читает, не в прямом смысле, конечно, но кто её знает?

— Ну же, Захарчик, не злись, — она потрепала его по щеке, а он скривился, — я ведь всё равно узнаю, если ты не будешь работать над проектом. А ты же знаешь, что меня обманывать нельзя, — она распрямилась и улыбнулась ему своею фирменной улыбкой, явно не предвещающей ничего хорошего.

— Окай, — пробормотал он. Он не ненавидел свою не в меру борзую, по его же определению, молодую учительницу. Он её даже немного уважал за то, как она умела ставить на место того, кто этого «просил», а так же быть «своим пацаном» для остальных.

Ну чего ему ещё ожидать? Чего? Опять Рыжая? Да вы все что, сговорились? Что, завтра он выйдет, а ему на голову упадёт метеорит? Рыжий метеорит? Парень явно не удивится такому

повороту событий.

Кайзер посмотрел на свою «подругу по несчастью», она тоже подняла на него свой взгляд и прочла в его взоре: «Ты думаешь, это мне дали пятнадцать суток? Ошибаешься. Это нам дали пятнадцать суток».

А веселье-то ещё только начиналось...

Глава 4. Котик

Захар не был мазохистом или садистом. Думаете, он любит только одни драки? Драки — это всего лишь точно такая же тренировка для него. Для него это был свой смысл, ведь других аналогичных позитивных факторов он пока для себя ещё не открыл. Жизнь не позволила открыть...

Парень сейчас, закончив разминку, искал что-то в своей чёрной спортивной сумке. В этот день погода была хорошей: не слишком жарко, но и не холодно. Поэтому старик тренер решил проводить тренировку возле зала на улице, а не в нём. Зал располагался в довольно-таки старом помещении, больше напоминавшем какой-то ангар, или гараж на худой конец. Но он не разваливался, не был прогнившим, нет, он был ухоженным, как, впрочем, и дворик возле него. Вместо забора его ограждала железная сеть, тоже хорошего вида. Сам клуб находился в тупике улицы, поэтому людей

здесь фактически не было. Фактически. Иногда кто-то заходил сюда, как бы проходя мимо, а иногда сюда бегали девчонки, дабы посмотреть на спортивных красавцев, а потом, убегая, смущенно хихикать, прикрывая рот ладошкой, когда кто-то из них им подмигивал.

Тренер, пока его подопечные делали разминку, выносил тем временем спортивный инвентарь на улицу. Помимо некоторых других, среди завсегдатаев клуба, кстати, были все вышеупомянутые персонажи мужского пола, представители «странной компании», что по обыкновению своему была слишком шабутной и всегда попадала в разные передраги-приключенья.

— Не халтурим, ребятки, — грозно произнёс Дмитрий Дмитриевич, осматривая своих учеников, — и наслаждаемся последними тёплыми деньками! Пока ещё есть возможность пофорсить своими «кубиками» перед очаровательными представительницами слабого пола. И пока эти «кубики» не спрятались под толстый шарик зимнего запаса энергии. А для того, чтобы сего не случилось, хорошо разомнетесь, и я вас сегодня помучу на славу. Думаю, даже Бэх не захочет спарринга сегодня.

— Не дождёшься, старик! — самодовольно ухмыльнулся Кайзер, наконец-то нашарив в сумке нужный предмет. — Ты Рыжика нашего лучше

подбадривай, а то я сто процентов с ним сегодня буду драться.

— Спорим, ты первый же и «сдохнешь»?! — отозвался рыжеволосый, тоже закончив разминку.

— На что спорим? — не остался в долгу беловолосый парень.

— Успокойтесь, — спокойно проговорил Дмитрий Дмитриевич, — вас обоих до конца занятия понесут домой. Уж я-то вам это гарантирую.

Соперники ещё раз бросили друг в друга предупреждающие взгляды и разошлись в разные стороны, а тренер начал рассказывать, что конкретно их ожидает.

Заха стоял, держа в руке свою серую скакалку, утяжелённую, на три килограмма, и осматривал её ручки так, словно видел их впервые. Первая полноценная тренировка после длительного перерыва. Он был в предвкушении и в каком-то волнительном экстазе одновременно.

Тем временем Томчин достал свой таймер, поднял руку вверх и дал команду начинать своим бойцам. Поднялась пыль, и послышался звук, схожий со звуком, тысяч плетей, рассекающих воздух...

* * *

— Ребята, не филонить! — раздавался очередной громогласный выкрик тренера.

«О, как же я соскучился по его ору, такому спокойному и внушительному!» — думал про себя наш герой.

Был уже второй круг прыжков на скакалке, и Захару было чрезвычайно тяжело. После множества упражнений пот градом лил с его лица, теряясь где-то в чёрной, промокшей насквозь, футболке. Дыхание сбивалось, икры начали неметь, где-то в боку отзывалась острая резкая боль. Плюс к этому от утяжелённой скакалки немилосердно жгли мышцы предплечий, вот он запутался ногой в скакалке, перед этим хорошо так ударившись этой плетью — и обычная скакалка после такой показалась ему лёгким похлопыванием с целью согнать комара — но Кайзер фактически не почувствовал ничего, лишь красная полоса вдоль икры напомнит ему об этом, позже. Он остановился, распутываясь и попутно пытаясь восстановить дыхание, что удавалось с трудом, ибо глубокие вдохи и выдохи сопровождались болью в боку. Казалось, от исходящего от парня жара, скоро начнут таять вековые льды Арктики.

— Что... сдох, бобик? — насмешливый голос Игоря, который всё ещё продолжал прыгать, вывел беловолосого из себя.

— Хер-ра-с-два, — прорычал Кайзер и

продолжил прыжки. Тело отдавало глухой усталостью, но его сопернику, как, впрочем, и остальным, было не лучше, он это знал, и это, знаете ли, немного его приободряло. В боку по-прежнему колело, казалось, что вот-вот и Бэх буквально выплюнет свою печень, которая причиняла сейчас ему столько неудобств. Но вот через некоторое время болезненные ощущения начали уходить, хотя воздуха все ещё не хватало. Дабы отвлечься от всех неудобств, которые он испытывал, Кайзер начал прикидывать в голове, как он проведёт выходные, которые были не за горами, а планы у него были ого-го!..

* * *

— Аллилуйя! Ваши мучения закончены, — лёгкая улыбка легла на уста Томчин.

Со всех сторон слышались облегчённые возгласы. Кто-то побежал пить воду. Ну как побежал, скорее, пополз, но это уже так, детали...

Многие же просто повалились на землю, восстанавливая дыхание. Тренер уже повернулся, чтобы скрыться в зале, где он собирался уложить весь инвентарь по местам, как вдруг его окликнули.

— Постой-ка, старик!

Он обернулся, хотя и так знал, кто его позвал, и чего этот бедолага, еле держащийся на ногах,

хочет.

— А как же обещанный спарринг?! Я готов! А ты, Рыжик, чего распластался на земле, словно яркое описание поговорки «дамы лягли и просят»? Неужто «сдох, бобик»? — Кайзер перекинул Агаркова.

— Не дождёшься, кошкин глаз! — рыжеволосый парень тоже начал подниматься на ноги, которые у него, кстати, тоже тряслись от усталости.

— За «кошкин глаз» ответишь, мандариновый ты наш! — Заха оскалился, уже прикидывая в уме, какими именно ударами будет потчевать наглеца.

— Ринг свободен, — прервал их перепалку тренер, и они направились внутрь, а все остальные последовали их примеру. Это будет зрелище. Даже в таком состоянии, они сумеют всех удивить, это знал каждый. Они не щадили друг друга, они выплескивали ярость и боль, скопившуюся внутри, друг на друге. Только они понимали друг друга. Столь разные и столь похожие. Светловолосый и рыжеволосый. Противники и товарищи.

Именно поэтому даже самые заядлые бойцы клуба, при всей своей любви к подобным мероприятиям, не решались на бой с ними, выбирая противниками других, с которым они просто дрались, дрались, чтобы доказать друг другу, что они лучшие, а не для того, чтобы доказать, что они

живут, а не существуют, как это было с теми двумя, на которых легла печать потери и боли...

И они будут драться. Яростно, без пощады, ни к себе, ни к противнику. Словно израненные звери, которые дерутся за право на ещё один день. Отчаянно и бесстрашно...

Только вот... есть что-то, что отличает их. Они оба дерутся для того, чтобы больше не терять, но рыжеволосый, имея то, за что стоит бороться, пытается всеми силами это защитить, а беловолосый?... Он всегда сражался за себя. Может, именно из-за этого он что-то всё время упускал? Может, из-за этого у рыжего было преимущество, пускай и небольшое, в пару миллисекунд, на полвдоха или на полвыдоха?... Но преимущество. Бэх это чувствовал, именно поэтому злился ещё сильнее, именно потому ненавидел своего друга, что часто ему приходилось искать ответ в самом себе. Ответ на неизвестный доселе вопрос. Ответ, который ему откроется лишь спустя некоторое время, ответ, который, может, снизойдёт до него слишком поздно...

* * *

Любовь... Столь абстрактное понятие. Любовь... Кого-то она возвышает до небес, а кого-то низвергает в пучину боли и страданий.

Кому-то даёт крылья, девственно белые, а после кому-то безжалостно вырывает их живьём, и они приобретают ярко-алый цвет крови, а потом грязно-бурый цвет грязи, в которую их втоптали, словно кирзовые сапоги солдат, втоптывают пыль в землю.

Что значит любить безответно? Кто знает ответ на этот вопрос, пожалуй, поймёт, что чувствовала она. Но редкие поймут, что значит видеть своей предмет сердечных метаний каждый день. Да ещё и с другой. Да ещё и с лучшей подругой, которая недавно вот, казалось бы, плакала у неё на плече из-за своей несчастливой любви, которая оказалась, впрочем, не такой уж и «несчастливой», а скорее наоборот. А теперь вот они вместе. Они счастливы. За них надо бы порадоваться. Только вот... откуда тогда эта боль?... Почему вовсе не хочется смеяться, а хочется заплакать, убежать, скрыться, дабы не видеть их?... Почему?...

Почему она винит себя, когда вдруг застаёт себя за тем, что завидует более успешной сопернице? Почему гонит эти мысли прочь? Разве это не естественно?...

Любовь... Что есть она? Краткое замыкание? Сбой в системе? Психическое отклонение от нормы? А может, это и есть сама «норма»? Норма нашей жизни?...